

Густав Даниловский

На острове

Густав Даниловский

На острове

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6611256

Аннотация

«Бог из сумрачных сил, затаенных во мгле.
Вывел духа источник и все на земле
Он смешал – и с неё снял он длани.
С той поры дух желает царить над судьбой;
С темнотою инстинктов, с стихией слепой
Бой ведет, совершенствуясь в брани...»

Содержание

Вступление	5
Песнь I	7
Сон	15
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Густав Даниловский

На острове

Поэма

(Na wyspie, 1901)

* * *

Вступление

Бог из сумрачных сил, затаенных во мгле.
Вывел духа источник и все на земле
Он смешал – и с неё снял он длани.
С той поры дух желает царить над судьбой;
С темнотою инстинктов, с стихией слепой
Бой ведет, совершенствуясь в брани.

И творенья весы в колебании всегда;
И начало борьбы возникает
На вершинах тех духа, где гибнет нужда,
Где свобода свой стяг поднимает.

А порой в безграничном просторе миров
Раздаются удары звенящих часов
Безконечности – грозно и сильно.
Мир поносит героев тогда и клянет,
На алтарь увлечения и веры плюет,
И, как в тачку закованный ссыльный,
В колесницу слепой и жестокой судьбы
Запрягаясь, сдается он ей без борьбы.
И измученный дух замирает
И могущество зла и насилия растет...
Но не вечно суровое время невзгод —
Новой жизни заря наступает.

В дни, когда не хватает дыхания в груди
И не видно отрадных надежд впереди,
И Злой Рок угнетает народы, —
Дух пол игом рождает огонь для людей,
В мир несет его в образе новых Идей
И костер зажигает свободы.

Песнь I

Над островом высоким караваны
Лучистых звезд плывут и между них
Путь Млечный тихо вешает туманы
Серебряные... Берег моря тих.
Грядую скал задержанные волны
Невольно изменяют ровный ток
И, злобой на свою преграду полны,
Дрожа сверкают, как стальной клинок.
Над берегом огней потухли очи,
Безмолвные дома уныло спят,
За ними льют сады свой аромат,
Окутаны весенней негой ночи.

На площади зато и шум, и звон!
Там праздник песни жители справляют
И в короли сегодня избирают,
Как требует обычай и закон,
Того, чья песнь прольется всех звучнее
И привлечет сердца людей сильнее.

Торжественный готовится турнир;
Народ на площадь точно лава льется;
Толпа шумит и у трибуны жметя,
Одетая нарядно, как на пир.

Зажглись костры веселыми огнями,
И колокол ударил над толпами
И возвестил, что начался турнир.

* * *

Были дни... Как лава из груди вулкана,
С острова на землю через мглу тумана
Свет-лился... Потушен этот дивный свет!..
И лежат в обломках прежняя святыни.
Новый храм Молоха там вознесся ныне,
В нем же нет святыни и героев нет.

Миновали, скрылись дни, когда поэты
Новые знамена гордо вознесли —
И на них читались чудные заветы
Равенства, свободы, счастья для земли.

Верилось тогда, что дух разрежет звенья
Всех цепей, что новый засияет свет...
И народ земли стремился в пыл сраженья.
Дни те миновали и следа их нет.

Стал богат и славен остров величавый!
Только дух, объятый губительной отравой,
Измельчал, как карлик, мощь свою губя.
Остров жил и думал только для себя.

И, отрезан жизни шумным, грозным морем
От земли печальной, с ней порвал союз;
Он земле оставил труд с тяжелым горем,
Взяв себе веселье, пир и голос муз.

Доблестный король сошел тогда в могилу;
Смелостью подобный гордому орлу,
Он в себе носил уверенность и силу,
Проникал он взором будущего мглу.
Чувствуя, что близко новое течение,
Мучился король – и в горестном томленье
Много сил собрал в душевной глубине;
Он забыл о славе, о восторге шумном
И летел мечтою к гибнущей стране.
Мудрецы прозвали короля безумным
За стремленья эти... А король желал
Жизнь свою окончить славными делами.
Но напрасно чудной власти над сердцами

Требовал король и Бога умолял,
Изменить желая, что неотвратимо:
Видел он с тоскою, что его друзья
Зло в себе таили, пропуская мимо
Муки угнетенных, горе бытия.
И по их сердцам, как молния по стали,
Песнь его скользила и его мечта,
И его молитвы тщетно повторяли
Жалких себялюбцев грубые уста.
Что молитвой звали эти лицемеры —

Был обряд, лишенный истины и веры.

Королевский прах окутан вечной мглой, —
Духа же цветы растут еще неслышно,
Ждут, что оживятся нежною росой
И в плоды деяний превратятся пышно.
Ждут давно. Не вянут лепестки цветов,
Точно сам король по-прежнему с любовью
Пламенного сердца поливал их кровью,
Покидая царство мрака и гробов.

Но сегодня тихи вечные постели,
Мирен сон глубокий в области теней;
К ним на стражу тихо от высот слетели
Ангелы молчанья, гении ночей,
Исключая крылья, в небеса смотрели,
Плачущие ярким золотом огней.

* * *

Ликует остров, залит морем света,
Шумящею толпою наводнен.
Четыре на турнире том поэта:
Кто победит – король! Владеет он
Всем островом; когда-ж цветы живые
Успеют из венца его опать,
То выступят послы передовые,

И он свою разделит с ними власть.
Но кто же здесь достигнет славной цели?
Кому цветы, кого корона ждет?
Уж три певца на празднестве пропели,
И наступает Даймона черед.

Он – младший из певцов – и не почет
Стяжал себе, но брань и поношение.
Народ кричал, что песнь его течет
По ложному руслу; что это пенье —
Как резкий скрип; что речь его остра
И боль таит без ласки вдохновенья;
Что муза – одичалая сестра
Небесной музыки; что земли мученья
Им завладели; что к лазури в даль
Не рвется он, но в темноте могилы
Он ищет искру Божью, и что жаль
Его: он проявляет много силы.

Был суд над ним, чтоб строго наказать
И струны оборвать на лире звучной,
Когда посмел он жителям сказать,
Что материк земли – убогий, скучный —
С презрением глядит в такие дни
На остров, их грехами омраченный;
Что не могучий колокол они —
Трещотки лишь из глины золоченой,
Которых треск не будит славных дел;
Что жгучий стыд душой его владел

От жизни их и новых идеалов,
Что этот остров – вечный труд кораллов,
Обидами и горем полон он
Существ, которым имя – легион.

С тех пор, тая недуг сокрытой муки,
Над берегом, задумчивости полн,
Бродил певец, внимая говор волн,
И говорил, что часто слышит звуки
Печальных слез и стонов, издали
Летящих через море от земли.
Он говорил с тоскою, что напрасно
От острова мучительно и страстно
Ждет помощи несчастная земля,
И что в гробу несет теперь страданья
Труп славного поэта-короля
За то, что позабыли завещанье.

Он говорил, что видит впереди,
Как по вине островитян случится:
Полюют с земли кровавые дожди,
И остров весь в пустыню обратится!
Никто речам поэта не внимал;
Кричали все с гримасой отвращения:
Он болен, он рассудок потерял,
В нем разум спутал демон разрушенья,
Ужасный черный дух... И оттого
Они прозвали Даймоном его.
Сегодня это слово пробежало

По всем устам и поразило всех;
Одних негодование обуяло,
Другие же сдержать старались смех
При вести, что стремится Даймон к трону
И выступит, чтоб получить корону.

Но, лишь прошел насмешек первый взрыв,
Вътолпе тревога пробежала глухо
О том, что песня – тайных сил порыв —
Живет и в глубине больного духа.
И вот, едва увидели певца,
Как тишина повисла над толпами.
И взоры всех стеклись к нему лучами
И жгли огнем черты его лица.

Уверенно и гордо рыцарь юный
По пурпурным ступеням восходил
И стал спокойно на верху трибуны.
Он бледен был. В дали небес ловил
Взор призраки мечты необычайной,
Как будто видел новый дивный мир
И забывал, объятый думой тайной,
Толпу людей, и песню, и турнир.
И слышен был на площади турнира
И треск костров, и шум морской волны...
И вдруг в тиши раздался плач струны.
Задетая рукой поэта, лира
Запела вдруг, и, звуком пробужден,
От тайных грез своих очнулся он.

Смутился вдруг и вздрогнул, как ребенок,
Видением испуганный во сне.
И грустен голос был его и звонок,
Он так сказал: «Я болен, тяжело мне!
Душа томится неутешным горем...
Я отдан в жертву злым и горьким снам
И вам один охотно передам,
Вчера его я увидал над морем.
Постиг я силой сердца своего,
Но осудить вы можете его,
Хотя, быть может, это сон пророка!»

Умолк на миг. Потом вздохнул глубоко,
Бросая взор на ясный небосклон...
И вдруг, рванув уверенно и живо
Рукою струны лиры, начал он
Бросать слова рассказа в тон мотива,
Пока с его чарующей игрой
Не слился голос, звонкий и глубокий,
Как родников бегущие потоки
Сливаются с могучею рекой.

Сон

День угасал, а зори уж слетали
На лоно вод с небесной высоты;
Как струны арфы в тишине звучали
Могучих волн дрожащие хребты
Великий вечный гимн земной печали.
И, на пути задержанные вдруг
Грядюю скал, на части разрывались,
Как золотые кольца, устремлялись
Обратно в море, издавая звук,
Слезами и унылой скорбью полный.

В просторе, где шумели, пенясь, волны,
Мне чудилось, звучала стоном мгла.
Нас проклинали там; из тьмы могилы
Рвалась там жизнь и напрягала силы,
Но одолеть преграды не могла.

Закат угас. Ночь покрывала море.
У ног оно кипело, как вулкан.
Мысль разрывалась от тоски и горя
И сердце – от жестокой боли ран.
Слабели силы в необъятной муке —
И я упал, как труп, на лоно скал
И в ужасе мучений умирал.

Но сон сошел и положил он руки
На грудь мою, и далеко ушла
Больная скорбь встревоженного духа.

Мне снилось: землю покрывает мгла...
Ужасный крик доносится до слуха,
И я во сне почуял ужас вновь:
Томительные черные кошмары
В суровой тьме свои рождали чары
И страшно леденили в сердце кровь.

Я увидел толпу людей несчастных,
Больных и слабых. Стонов их ужасных
Звук разносился, точно моря рев.
Громада шла. Пот лил с неё ручьями.
Пред ней шла боль кровавыми путями.
Печален был страдальцев легион:
Тела их рвал на части бич неволи,
Сомнение несло им муки боли,
Насилие в груди давило стон.

А средь людской бесчисленной громады
Кровавый пир свершали духи зла:
В безумии впивались в их тела,
Их кровь сосали, точно злые гады.

И увидел я ту, что их гнала...
Вливая в раны изнуренных яды,
Она вела их, как толпу зверей,

И грозно им кричала: «Ну, скорей!
Я – Нищета. Я вам повелеваю!
Ваш царь, ваш Бог, ваш всемогущий Пан!»

«Могуществом своим я убиваю
Людей за непокорность. С болью ран
Я им дарю могилы вечный холод,
Но раньше шлю на них суровый Голод;
Он внутренности их опустошит,
И мозг костей сожрет без сожаленья,
И в жилах кровь до капли иссушит!»

«Удел покорных моему велению
Жесток не будет! В мраке и в пыли,
День ото дня слабея и бледнея,
Они сойдут в могилу... Ну, скорее!
Или сотру я вас с лица земли!
Я – Нищета! Я вам повелеваю!
Ваш царь, ваш Бог, ваш всемогущий Пан!»

«Покорным я щедроты расточаю:
На ужин черный хлеб им будет дан,
На плечи их – отрепье и для гроба
Клочок земли!
Но смерть бунтовщикам!
Повсюду их моя настигнет злоба!
Я – Нищета приказываю вам:
Вперед, вперед! Я вам повелеваю!
Ваш царь, ваш Бог, ваш всемогущий Пан!»

Вослед за нею шел ужасный стан
Ея родных: Болезни с мрачным Мором
И Тьма, и тощий Голод, лютый враг
Живущего, – ревели диким хором.
И злая Тьма толпе кричала так:

«Убейте мысли, мысли умертвите,
Или навек лишу я вас ума.
Огонь сердец своих вы загасите,
Скорей! скорей! Я страшный князь ваш Тьма!»

«Да, мысль – наш враг!» шептал ей Голод злобно:
«Когда она рождается в уме
И тлеет, искре маленькой подобно,
Туши ее, гаси в мертвящей тьме.
Когда же свет все тени уничтожит —
Предай болезни страшной ты народ...
А если это средство не поможет —
Ты кликни Мор, меня и весь мой род!»

«Ты знаешь, я силен. Как сон могилы,
Проникну в них, возьму их жизнь и силы,
Не оторву от тел их бледных губ,
Все буду кровь сосать со злобой жадной,
Пока в добычу смерти беспощадной
Останется холодный, синий труп!»

«Бездушный труп, лишенный чувств, свободный,

В глубокой мгле останется один!
Так задушу я мысль, «я злой, голодный,
Могучий пан, я – Голод, царский сын!»

И вся толпа злых демонов завывала:
«Да, эти люди наши! Их светило
Потушено! Скорей от света прочь
Мы поведем их в пасмурную ночь
С неволею и страхом леденящим!»

Вдруг грянул гром, ужасен и могуч,
И молния своим мечом блестящим
Разсекла плащ суровых, хмурых туч.

И силы мрака дрогнули толпой...
В тревоге тайной вся их рать застыла.

И тишина повисла над землей.
Свой путь прервали вечные светила,
И молния огнистой полосой
Стояла в небе и горела светом,
Разорванными тучами одетым,
И месяц, точно рыцарь золотой,
Держащий стражу полночи глухой,
Остался в тишине необычайной.

Мир ожидал чудес великой тайны.

Оттуда, где терялся полосой,

Ведущей к неизвестному чертогу,
Путь Млечный, схожий с чистою росой,
Где, потеряв обычную дорогу,
Лишь изредка комета пролетит
И след её волос огнем горит, —
Оттуда духи выплыли толпою
И приблизились огнистою рекою.

Летела Мысль всех ближе в вышине,
Прекрасная, с лицом богинь Эллады;
Пытливостью её горели взгляды
И чудно отражали в глубине
Уверенность в могуществе и силе,
Стремленье вечный разрешить вопрос...
Разсеянными клубам туманной пыли,
От века представляющей хаос,
Она дала иные очертанья
И мерный путь. Порядок мировой
Явился в царство нового созданья
И гордо поднял вечный скипетр свой.

Вослед за нею Чувство направлялось;
Его лицо в движении изменялось:
На нем была то радость без границ,
То грусть и боль, то пламенные грезы —
И вдруг опять под бархатом ресниц
Кристалльные сверкали тихо слезы.
Безумным ритмом пульс его стучал,
Оно то бледно было, то румяно.

И крови ток в груди его дрожал,
Подобно лаве в кратере вулкана.

Направо же неслась Надежда вдаль,
С участием ободряя все создания,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.